

Ужин подали в том же месте, что и раньше. Двое братьев сидели друг напротив друга, как и тогда.

Несмотря на свою болтовню, которой Чан Дэфу время от времени нарушал тишину, он всё же с большим старанием обслуживал господ. Мужчина подал на стол те же самые блюда, которые Юн Шань просил подать к столу в прошлый раз. Все блюда приготовили так, как это любит Юн Ци.

Как и подобает старшему евноху, заведующему дворцом наследника престола, Чан Дэфу заботливо взял палочки для еды двумя руками, после чего почтительно подал их Его Высочеству Юн Ци. Затем евнох проделал те же действия, но уже относительно наследного принца, желая угодить своему господину.

Юн Шань поднял глаза и взглянул на своего слугу. Поймав его взгляд, принц понял, что на палочки уже нанесли лекарство.

Юн Ци, в свою очередь, взял их без каких-либо подозрений.

Поглядев на стол, который ломился от количества аккуратно расставленных блюд с горячим ужином, Юн Ци слегка удивился. Юноша медленно перевёл взгляд с еды на Юн Шаня, однако с его манящих губ так и не сорвалось ни слова. В голове Юн Шаня промелькнула мысль: «В конце концов, теперь тебе хоть немного ясны мои желания». Его настроение улучшилось, а сам юноша набрался терпения, с улыбкой ожидая, когда Юн Ци хоть что-нибудь произнесёт.

Юн Ци ещё какое-то время сопротивлялся. Его щёки слегка порозовели, и вскоре юноша всё же вымолвил:

— Тут лишь двое человек, а блюд подано так много. Если отец-император узнает, то вполне может отчитать нас за подобное расточительство.

Хоть слова Юн Ци и сильно отличались от того, что ожидал услышать Юн Шань, его настроения это не испортило. Юн Шань глянул на Юн Ци чёрными, как уголёк, глазами и уголки его губ медленно поползли вверх, из-за чего на лице заиграла лёгкая улыбка:

— Нас?

В этот момент Юн Шань больше напоминал довольную лисицу, поедающую любимое лакомство. Взяв палочки, юноша зажал ими кусочек пряной ветчины и, ловко отправив его в рот, всё так же поглядывал на Юн Ци.

Одно неосторожно брошенное Юн Ци слово не ускользнуло от Юн Шаня, который подмечал абсолютно всё, что слетало с губ брата. Это заставило юношу покраснеть от стыда. Заливаясь румянцем, Юн Ци поджал губы и больше не проронил ни слова.

Заметив, как ушки Юн Ци начинают розоветь, Юн Шань искренне наслаждался этим зрелищем. Однако, опасаясь по-настоящему вывести его из себя, Юн Шань быстро отвёл взгляд, дабы приложенные им усилия не были потрачены впустую. Взглянув на еду, он проговорил:

— Всё уже приготовлено. Конечно, ты можешь не есть. Но в таком случае всё пропадёт зря, что и правда будет расточительством. Почему твои палочки неподвижны? У тебя аппетит пропал?

Молча вытянув палочки, Юн Ци начал хватать ими еду.

Благодаря спокойной атмосфере, царившей за столом, ужин не был столь смущающим и неловким, как в прошлый раз.

Юн Шань тоже вяло приступил к еде. Правда, юноша совсем не ощущал никакого вкуса. Он был сосредоточен лишь на одном — его взгляд не должен быть слишком резким или строгим, иначе он может казаться сердитым и этим напугать Юн Ци.

Но как можно удержаться и не посмотреть на него?

Живой и здоровый, он сидел перед ним, спокойный, красивый и невероятно очаровательный.

Каждое движение Юн Ци, каждое выражение его лица вместе с алыми губами, которые в данный момент распахнулись, чтобы положить кусочек еды в рот, заставляли сердце Юн Шаня забиться в груди с двойной силой. Для наследного принца Юн Ци был действительно прекрасен.

Он сказал, что они с Юн Линем не занимались ничем непристойным, но правда ли это?

Его привлекательный вид, да даже один взмах его ресниц могли бы любого свести с ума! Юн Линь наверняка каждый день и каждую ночь проводил вместе с ним, развлекался, прижимаясь к нему, ластился, безобразничал и тянул к нему руки, касаясь почти прозрачной кожи и бледных, но таких мягких губ.

Мог ли Юн Линь упустить такую возможность?

Если бы он захотел, то Юн Ци, наверное, не сказал бы «нет» и определённо мог...

Сердце Юн Шаня кольнуло, словно иголкой, причиняя нестерпимую боль.

Чтобы притупить боль, наследный принц прикусил свой язык, с трудом прогоняя прочь ужасные мысли и возвращаясь в реальность. На лице вновь появилась привычная невозмутимость, а сбившееся было дыхание пришло в норму, став ровным.

Зачем думать о подобном, когда всё так хорошо?

На лице Юн Шаня вновь заиграла улыбка. Юноша выпустил палочки из рук, после чего взял чашку с тёплым чаем, которую как раз подал Чан Дэфу, и сделал глоток. Затем, откинувшись на спинку стула, Юн Шань вновь поглядел на Юн Ци.

Юн Ци всё ещё слишком чувствительно относился к пристальному взгляду Юн Шаня. Заметив, что тот выпустил из рук палочки для еды, юноша последовал его примеру и тоже отложил их в сторону.

— Ты хорошо поел? — спросил Юн Шань.

— Да.

— Точно наелся?

Юн Ци прекрасно понимал, что Юн Шань пытается разговорить его. В его тоне слышались заискивающие и почти игривые нотки. Кроме того, в выразительном взгляде чёрных глаз притаилось нечто большее. Ощувив неловкость, Юн Ци не захотел больше говорить и лишь кивнул головой в ответ.

Юн Шань угадывал его мысли, но не сердился. Это, наоборот, вызывало у него интерес. Почему у этого юноши, пусть и свергнутом, но всё же сыном императора, кожа была тоньше, чем у любой девушки?

Невозмутимо поглядев на палочки Юн Ци, Юн Шань снова улыбнулся, но в этот раз в его улыбке было что-то странное.

Юн Шань отвёл взгляд и поглядел на ничего не подозревающего Юн Ци.

Действительно ужасен.

Юн Шань понимал, что был по-настоящему ужасным младшим братом. Он был полной противоположностью Юн Линю: подобные мысли и вовсе бы не пришли в голову младшему близнецу. Он не мог действовать так, как Юн Шань, — если тому что-то нравилось, он отнимал это, вытянув руки. Он мог применить силу, мог быть достаточно жестоким, действуя без промедлений.

А заполучив желаемое, он был готов провести вечность, мёртвой хваткой вцепившись в предмет своего обожания и охраняя своим волчьим взглядом до самой смерти и даже после, не позволяя ни единой душе отнять это у него.

Юн Линь не мог отнять, но ему было и незачем это делать.

Весёлому и счастливому Юн Линю Небеса давали всё, чего он хотел. Если же Небо не дарило ему подарков, то это мог сделать отец-император, либо матушка, либо Юн Ци.

Кроме императора, даже сам Юн Шань дарил ему подарки.

— Уже поздно, я думаю принять ванну и пойти спать, — сказал Юн Ци.

— Хорошо, иди. — Юн Шань вёл себя слишком дружелюбно, с лёгкостью позволив Юн Ци ускользнуть от него.

Проводив брата взглядом, Юн Шань махнул рукой, подзывая к себе Чан Дэфу, и приказал:

— Пока он будет принимать ванну, приставь к нему ещё двух слуг, пусть присматривают за ним, и внимательно. Они не должны позволить ему даже взмахнуть ресницами лишний раз. Если же он решит сделать это в ванной, то я тотчас же схвачу тебя прямо там и отправлю к отцу-императору.

Чан Дэфу, конечно же, понял смысл обращённых к нему слов, быстро вышел за дверь и, позвав двух надёжных евнухов, шепнул несколько слов им на ухо.

Юн Шань беззаботно сидел за столом, будто ожидал, что после ужина ему подадут сладости. Взяв в руки первую попавшуюся книгу, юноша стал перелистывать страницы, просматривая её. Вскоре в комнате вновь появился Чан Дэфу и, подойдя к Его Высочеству, доложил:

— Его Высочество Юн Ци принял ванну. Сейчас он вернулся в комнату и собирается лечь спать.

Приняв горячую ванну, Юн Ци только-только устроился в кровати, как вдруг услышал звук открывающейся двери.

Юн Ци испугался. Резко сев на кровати, юноша тихим голосом спросил:

— Кто здесь?

На самом деле спрашивать было не обязательно — перед его глазами стоял хозяин этого дворца. Стоящий в комнате юноша, что был словно яшмовое дерево, в ветвях которого запутался ветер, изогнул губы в той же странной улыбке, что совсем недавно показалась на его лице за столом:

— Старший брат Юн Ци, я пришёл проверить, спишь ты или нет.

Сердце Юн Ци затрепетало в груди.

Несмотря на то, что Юн Шань был младше него, в его глазах ясно читалась решимость, смешанная с долей упрямства.

После всего пережитого за последнее время, Юн Ци охватила дрожь, когда Юн Шань уверенно направился к нему. Но, вопреки ожиданиям, Юн Ци не осмелился произнести ни слова. Он лишь смотрел, как младший брат своевольно снял сапоги, чтобы через мгновение оказаться в его постели.

Откинув ватное одеяло, юноша лёг рядом с Юн Ци.

— Разве уже не достаточно поздно? Почему ты всё ещё не спишь? — Юн Шань положил голову на подушку и, открыв глаза, поглядел на неподвижно сидящего в постели Юн Ци.

Юн Ци затаил дыхание.

Перед глазами всплыли воспоминания о том, как Юн Шань связывал его по рукам и ногам во Дворце Наказаний. Как грубо срывал с него одежду, насильно обнажая его тело, как растягивал и наслаждался, глубже проникая в него, но как бы Юн Ци не умолял пощадить, Юн Шань оставался глух к его мольбам. Вспомнив всё это, Юн Ци похолодел.

— Ложись, закрывай глаза и засыпай. — Юн Шань понимал, что Юн Ци его боится, поэтому тихо добавил: — Я не трону тебя. Даже пальцем не трону.

Юн Ци сидел неподвижно, словно застывшее изваяние. Услышав слова Юн Шаня, юноша не только не лёг, но ещё в испуге отодвинулся к краю кровати, где прислонился к стене и, казалось, хотел обхватить колени руками.

Юн Шань изначально планировал действовать не спеша, шаг за шагом приближаясь к Юн Ци, но сейчас он внезапно разгневался и, резко сев, схватил Юн Ци за запястье и с силой притянул к себе:

— Ты ляжешь рядом со мной!

Юн Ци был не настолько силен, как Юн Шань, и, когда младший брат потянул его на себя, юноша упал на постель. Юн Шань сейчас больше напоминал хищника, который вышел на охоту в поисках жертвы. Не допуская возражений и опрокинув юношу на спину, Юн Шань заставил Юн Ци заглянуть себе в лицо.

Попав в опасное положение, Юн Ци резко вдохнул холодный воздух и замер от страха, а глаза наполнились ужасом.

Юн Шань с минуту всматривался в глаза старшему брату и, не произнося ни слова, улыбнулся.

— Ты являешься сыном императора, но храбрости у тебя слишком мало. — Он выпустил из стальных объятий тело старшего брата, которого до этого прижимал к себе, и, повернувшись на бок, юноша лёг, готовясь уснуть рядом с Юн Ци. Юн Шань тихо лежал, соблюдал данное обещание, даже не распуская руки. — Засыпай. У тебя завтра нет дел, однако мне нужно много чего переделать. — Широко зевнув, юноша действительно закрыл глаза и уснул.

Юн Шань лежал спокойно, не трогая Юн Ци. Сказав ему, чтобы засыпал, юноша сразу же уснул. Однако Юн Ци не мог так сразу заснуть, как его младший брат.

Юн Ци всё ещё был напуган. Рядом лежал его младший брат-наследный принц, который мог в любой момент проснуться. Сам же Юн Ци не мог уснуть, так как его дремоту спугнули и она, словно птица, взвилась в заоблачную высь, не оставив после себя ни малейшего следа.

Придворные, что до этого проводили Юн Шаня до двери, ушли. Свет полностью погас, погружая всё во мрак ночи.

В погружённой во тьму комнате Юн Ци пристально смотрел в мутную темноту у себя над головой. Ни Юн Ци, ни Небо не знали, когда наступит рассвет и первые лучи солнца окрасят небосвод. Для юноши само ожидание больше напоминало бесконечную пытку.

Юноша ждал и очень долго вглядывался во тьму, но горизонт так и не окрасился первыми лучами солнца.

Юн Ци в конце концов не выдержал и, склонив голову, поглядел на Юн Шаня, что спал рядом.

Юн Шань мирно спал, у него не было дурной привычки брыкаться во сне, как это делал Юн Линь. Однако во сне Юн Шань был очень похож на Юн Линя, должно быть это из-за того, что у него глаза были закрытыми и не пронзали своим холодным взглядом.

Неизвестно откуда появилось чувство дискомфорта, которое захлестнуло юношу с головой.

На самом деле это чувство появилось не сейчас. До этого он уже чувствовал небольшой дискомфорт, который не давал ему спать. Однако, когда Юн Шань начал его запугивать, всё внимание юноши переключилось на него. Но сейчас, когда всё напряжение потихоньку улетучилось, бедра Юн Ци вновь охватило какое-то странное чувство дискомфорта, которое уже не получалось игнорировать.

В конце концов, что происходит?

Томительное, нестерпимое, трудно описуемое, удушливое чувство...

Юн Ци слегка нахмурил брови и закусил губу. Этот дискомфорт не ощущался столь острым и тягостным, но был томительным, опустошающим, словно маленькая щётка, неторопливо скользящая по костям, вызывая непреодолимое желание и нестерпимый дискомфорт.

Он попытался подвигаться, но похоже, что после обманчивого спокойствия, которое длилось недолго, Юн Ци охватило более глубокое и нестерпимое желание, которое стало почти навязчивым.

Очень горячо! Так невыносимо!

Через некоторое время Юн Ци наконец-то понял, что за чувство охватило его бёдра, и стыдливость неожиданно затопила все его чувства. Юноша вновь закусил губу.

В итоге оказавшись в подобном...

Но в таком случае Юн Шань, который спал рядом и очень близко, мог проснуться от малейшего шороха.

Юн Ци чувствовал, как желание постепенно охватывало член, заставляя подняться.

Не надо...

Юн Ци хотел плакать, но не мог выдавить ни слезинки. Храня молчание, юноша ощущал, как его член медленно поднимался, изнывая от острой боли.

Юноша всегда равнодушно относился к подобным потребностям. Возможно, это было как-то связано с месяцем его рождения, со слабым здоровьем, к тому же он не имел огромной потребности обращаться к младшим братьям и обсуждать с ними подобное. Раньше Юн Линь капризничал, умоляя и желая попробовать нечто приятное, что было распространено в стенах императорского дворца. Юн Ци был загнан в угол, он понимал, что это его младший брат. К тому же в императорском дворце это было вполне обычным. Вскоре, когда они вместе принимали ванну, Юн Ци с неохотой скользил рукой по члену Юн Линя, который, в свою очередь, ласкал его.

В тот раз Юн Линь был возбуждённым и стонал во весь голос. Ему это так понравилось, что вскоре он несколько раз приходил к Юн Ци, умоляя сделать снова приятное. К счастью, вскоре отец-император пожаловал ему несколько красивых придворных девиц, которые, оставшись в комнате Его Высочества, прислуживали ему ночью, и в итоге Юн Линь больше не приставал с подобным к Юн Ци.

После того, как его отправили в Наньлинь, отец-император подарил своему сыну принцессу. В

первую брачную ночь новобрачные немного попробовали вкусить запретного плода. И хоть его вкус был весьма неплох, но он и не был сладок и шестнадцатилетний Юн Ци остался к нему равнодушен. Поэтому молодые супруги сближались не часто.

Если бы можно было подсчитать, то самое большее количество раз, он делал это...

Юн Ци затаил дыхание и, вновь наклонив голову, осторожно поглядел на спящее лицо Юн Шаня.

Окончательно убедившись, что рядом лежащий младший брат крепко спит, Юн Ци тихо вздохнул.

Юноша долго и внимательно прислушивался к каждому шороху, после, действуя бесшумно, очень невесомо и медленно, рукой не спеша потянулся к члену, что изнывал между ног.

Как только ладонь легла на член, Юн Ци неожиданно затрепетал.

За свою короткую жизнь он делал такое лишь несколько раз. Но даже если ему иногда хотелось себя приласкать, юноша делал это глубокой ночью. Сначала убедившись, что никого и даже навязчивых слуг нет рядом, Юн Ци давал волю своим рукам.

Но сегодня юноша никак не ожидал, что его охватит нестерпимый жар, похожий на пытку, которая заставит, не обращая внимания на рядом спящего Юн Шаня, вытянуть руку вниз.

Член стоял, выпрямившись, и подрагивал; хоть это была его собственная плоть, однако юноше было трудно избавиться от неизвестно откуда появившегося чувство стыда, что охватило душу. Как нарочно, когда его рука легла на член, чувство удовольствия сразу же устремилось в голову. Однако через мгновение этого показалось мало, желание вновь дало о себе знать, требуя как можно больше ласк.

<http://bllate.org/book/13372/1189565>